

**Д**  
РУССКИЙ  
ДЕТЕКТИВ

а л е к с е й

Н А С Т

**РАСПУТНИЦЫ**

Русский детектив

Алексей Наст

**Распутницы**

«Центрполиграф»

2019

УДК 882  
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

## **Наст А.**

Распутницы / А. Наст — «Центрполиграф», 2019 — (Русский детектив)

ISBN 978-5-227-08709-6

Внезапно жизнь Геннадия Егорова пошла наперекосяк: денег ни на что не хватает, жених беременной дочери отказывается жениться, у младшей дочери переходный возраст, и связалась она с подозрительной компанией, отец, профессиональный литератор, взялся за написание эротических романов. Отвлечься от житейских неурядиц, сосредоточившись на работе, удастся плохо: следователю Геннадию Егорову поручают дело о трупe девушки, найденном в лесополосе, и все следы ведут напрямиком... к отцу Геннадия, незадачливому порнописателю. Егоров обнаруживает, что попал в хитроумно расставленную западню, выход из которой не просматривается. В полном отчаянии Егоров обращается за помощью к своей коллеге Лизке Одовой, умной, хладнокровной, не ведающей страха...

УДК 882  
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08709-6

© Наст А., 2019  
© Центрполиграф, 2019

## Алексей Наст Распутницы



«Мари искала гувернантку по всему дому – уже четверть часа, как они должны были заниматься английским. Дом был большой, но старый. Полы и ступени скрипели. Слуги сновали серыми тенями. Ах, эта мисс Уивер! Ведь сегодня приехала баронесса Зинельс, и Мари страстно желала расспросить прекрасную гостью о приёмах и балах в Варшаве и Финляндии. А папенька наверняка запретит Мари приставать к баронессе с расспросами, если узнает, что из-за мисс Уивер урок английского сорвался!»

Отец Мари – Иван Курков, мещанин, ныне удачливый оптовый торговец – достаивался чести посещения своего летнего дачного поместья баронессой благодаря старинной детской дружбе. Баронесса по мужу, в девичестве Настя Ильина, дочь судебного пристава, участвовала во всех играх и шалостях ватаги окрестных ребятишек, где Иван был заводилой. Сейчас, когда Курков набрал силу в капитале, баронесса титулованная, но, увы, не такая богатая, как думалось при свадебном сговоре, не раз обращалась к другу детства за лёгким займом. Курков давал деньги без процентов и на большой срок.

Мари пробежала через залу, мимолётно бросив взгляд на своё отражение в большом зеркале, – хороша. Она выглядела свежей и чистой, как распускающийся бутон розы.

Дверь на кухню оказалась приоткрытой. Мари услышала нерусский шепот и поскрипывание деревянной мебели. Кто это? Прислуга была на лужайке позади дома – там накрыли столы среди деревьев, дымил самовар, доносился сладкий аромат свежего ежевичного варенья, кипевшего в большом медном тазу, там были отец, его друг врач Соловьёв и баронесса Зинельс. Мари всем сердцем рвалась на лужайку, но не смела – было время урока.

На кухне раздался грохот – упала табуретка. Мари вздрогнула.

– Какая ты неловкая! Тише, – сердито забасил мужской голос. Это был отцовский конюх Егор – молодой пригожий мужик с весёлым огоньком в глазах. Мари часто ловила себя на запретной мысли, что Егор, будь он не беден, мог ей очень, очень понравиться.

Тихонько ступая, Мари приблизилась к двери кухни, заглянула в щелку.

Англичанка, бесстыдно оголив стройные длинные ноги, сидела на разделочном столе, обхватив ими тугие (о боже!) бёдра Егора. Крепкие ягодички конюха повергли Мари в жар – он прекрасен, этот гадкий Егор.

Конюх, жадно сжимая ухоженными руками томно закатившую глаза англичанку, усиливал ритм. Мари не могла видеть орудие конюха, но и без того вся вспотела от волнения и желания – как ей хорошо, этой отвратительной, распутной мисс Уивер!

Боясь быть замеченной, не смея вздохнуть, Мари на цыпочках отошла от двери. Половица предательски скрипнула. Испуганная Мари птичкой взлетела по широкой лестнице на второй этаж. Прижавшись к стене, она долго тяжело дышала. Вид соития потряс её. Она почувствовала желание. Егор красив, как древнегреческий бог!

– Иван, мы уже долго здесь. Соловьев может подумать нехорошо.

Голос баронессы Зинельс ударил током. Мари вздрогнула. В конце коридора дверь одной из спален была приоткрыта.

– Да, пора.

Это был отец!

Мари мышкой шмыгнула на балкон и присела за кадкой с домашней пальмой. Она увидела прекрасную баронессу, на ходу поправляющую прическу и платье. Следом шёл рассупоненный отец. Неужели у них связь?!

– Настя!

Отец поймал баронессу за руку, рывком притянул к себе, жадно поцеловал в губы. Та отстранилась, но он её не выпустил.

Мари с ужасом разглядела, что рубаша отца оттопырена – его оружие, скрытое материей, ещё не успокоилось после любви с баронессой или он снова хотел её. Только бы не увидеть его естество... только бы не увидеть.

Баронесса прервала поцелуй, лукаво улыбаясь, нашла рукой холм отца...»

– Папа, мне пора.

Андрей Андреевич оторвал взгляд от монитора компьютера, посмотрел на подтянутого сына – сорок лет, а выглядит молодцом.

– Когда приедешь?

– Не знаю, папа. Работа.

– Овощи не забудь.

– Взял. Спасибо.

– Ирине привет. Пусть девчонок отправит на выходных, перемоют мне здесь. Тяжело мне уже за порядком в квартире следить.

– Приедут, помогут. Всё, не вставай, работай. Я закрою дверь своим ключом.

Андрей Андреевич проводил взглядом сына, услышал, как закрылась входная дверь квартиры, щелкнул замок. Он опять повернулся к монитору компьютера, пробежал взглядом по последней строке: «Баронесса прервала поцелуй, лукаво улыбаясь...» Слово «лукаво» ему очень понравилось. Только кто оценит игру слов в этом опусе, который приходилось строчить, позоря седины, чтобы найти хоть какую-то опору в нынешней страшной жизни?

Он был известен и почивал на лаврах – заслуженный писатель, повышенные гонорары за романы о хлеборобах и доярках, бесплатные санатории, зарплата за общественную работу в писательской организации. Он писал то, что требовалось коммунистической доктрине, писал искренне и считал, что неплохо – социалистический реализм им был освоен до мельчайших нюансов. Дважды, за идеологически выдержанные романы, Андрею Андреевичу присуждали премии – Государственную и Ленинского комсомола – за романы о молодых комбайнёрах. К 1992 году Андрей Андреевич, несмотря на стремительное падение КПСС, являлся обеспеченным человеком – у него было двести тысяч рублей на сберкнижке, трехкомнатная квартира, автомобиль «жигули» и большой частный дом в пригороде.

Девяносто второй год сделал его нищим – его деньги на счёте сгорели в одночасье, его социалистически выдержанные произведения народу были уже не нужны – издательства печатали только переводные романы.

Лихие девяностые и пустые двухтысячные всё же как-то прожили. Плохо прожили, с натягом. И всё обещали, что натяг кончится, станет полегче. Стали армию поднимать, военных.

И вроде всем тоже «полегчало», но как-то особенно незаметно... Андрей Андреевич получал пенсию (за себя он не переживал), но был сын и дочери сына. Надо было как-то помогать, тянуть общую ляжку. Жена Андрея Андреевича умерла давно, и теперь ему хватало малого – приличное питание и одежда, да ещё творчество, без которого он не мог обходиться, как наркоман без обязательной порции дурманящего яда. Дом Андрей Андреевич продал и купил сыну квартиру. «Жигули», после небольшого ремонта, он также отдал на нужды молодых – хотя машина была уже очень приличного возраста, но в хорошем состоянии: Андрей Андреевич ездил мало, аккуратно, так что раритет годился ещё для длительной эксплуатации.

Сын Геннадий, имея на руках жену и двух дочерей, жил тяжело, почти в нужде. Сначала государству было наплевать на тех, кто служил честно, отдавая служению все силы без остатка, потом наравне с военными стали подтягивать и остальных, но как-то не особо. В последнее время что-то стало налаживаться, начались денежные прибавки, но... Андрей Андреевич наливался бессильной болью, вспоминая, как быстро потерял своё состояние. А ведь тогда он не беспокоился о сыне, он был уверен в том, что его семья всё время будет жить в достатке.

За последние годы Андрей Андреевич не смог пристроить ни одного романа, а написал он их за это время целых пять – объёмных, про казнокрадов и честных деревенских мужиков. Первое время ему отвечали в издательствах и редакциях журналов, что нет бумаги, нет денег на выплату гонораров, потом объявили, что честные мужики и ворующие стройматериалы про-рабы никому теперь не интересны, теперь народ читает про убийства, аферы миллионеров и секс! Ему так и сказали: «Пишите про секс!»

В прошлом году свежее издательство вдруг само предложило Андрею Андреевичу выпустить книгу его воспоминаний об известных писателях, с которыми он сталкивался, отдыхал и работал в годы застоя. Обещали порядочную сумму, но аванса не дали – гонорар по приёме рукописи.

Андрей Андреевич с воодушевлением принялся за работу. Через год он сдал рукопись и получил на руки гонорар.

Новый кризис снова похоронил надежды.

Любой другой на месте Андрея Андреевича давно бы сдался, опустил руки и тихо грелся на солнышке, стараясь поменьше есть, чтобы укладываться в размер пенсии.

Но Андрей Андреевич не чувствовал себя обособленным от семьи сына – внучки уже выросли, одной – восемнадцать, другой – пятнадцать, девчонок надо было выучить, а это деньги. Сын семью кормил, худо-бедно одевал, но учёба... Андрей Андреевич знал, что только ему по силам добыть несколько тысяч долларов, если найти издательство, которое купит его работы и подпишет договор о дальнейшем сотрудничестве. Он накопил глянцевого книг с лотков с известными ему именами авторов и дерзкими, жестокими, кричащими названиями. Он прочёл и понял, что сейчас читают, что сейчас издают, но понял и другое – всё издаваемое похоже одно на другое как братья-близнецы. Чтобы его опусы покупали и хотели покупать в дальнейшем, требовалось найти свою нишу. Поразмыслив, Андрей Андреевич пришёл к решению для начала написать эротический роман на исторической основе. Он набросал план опуса, мучительно сочинил несколько глав и отправился с написанным по издательствам, желая, кивая на своё имя и прошлые заслуги, привлечь внимание редакторов, показать план, показать написанное и договориться о сотрудничестве.

Сегодня, после недельных бесплодных и унижительных походов, наконец повезло. Андрей Андреевич ещё до конца не верил, что удача снизошла до него, случайно наткнулась. Или он наткнулся на неё, точнее, на молодого директора свежееорганизованного издательства «Тариф-спорт» Сашу Семёнова.

Сначала ничто не предвещало успеха. Его с трудом пустили к главному редактору процветающего издательства. Это был рослый усатый нахал. Отвлёкшись от монитора своего компьютера, он хмыкнул:

– Что у вас?

– Историческая эротика. Меня зовут...

– Не надо.

Нахал уже шуршал клавишами клавиатуры и внимательно смотрел на экран монитора.

Андрею Андреевичу стало жутко неловко. Лезет со своей писаниной. Историческая эротика! Опустился дальше некуда! Эх, нужда...

Он вышел из кабинета в приёмную, заметил ухмыляющийся взгляд стервы-секретарши. Согнувшись, устало побрёл вон.

В коридоре молодой человек в футболке и спортивном трико читал объявления на стенде.

Он улыбнулся Андрею Андреевичу.

Андрей Андреевич вздохнул.

– Не взяли рукопись? – сочувственно осведомился молодой человек.

Андрей Андреевич проследил его взгляд – увидел в своих руках папку с рукописью. И снова стало неловко.

– Что у вас? – спросил молодой человек.

– Вы тоже пишете? – спросил в ответ Андрей Андреевич.

– Я издаю. Честь имею представиться – директор, он же редактор издательства «Тариф-спорт». Александр Семёнов. Саша. Хотел предложить несколько совместных проектов этим. – Саша кивнул на дверь приёмной. – Отшили. А вы что пишете? Боевики, детективы, фантастику?

– Историческую эротику. – Андрей Андреевич усмехнулся. – Моя фамилия Егоров. Может, читали?

– Егоров Андрей Андреевич? Как же! Романы «Однажды в поле», «Трудный год». Читал в детстве. Как же, как же! И что, вас не печатают?

– Увы. – Андрей Андреевич пожал плечами. Стало неловко до невозможности – даже перед этим желторотым юнцом приходится оправдываться.

– Но вы же имя! Вот остолопы! – вскипел Саша.

Андрей Андреевич от бурного оживления, возникшего у молодого издателя при его фамилии, затосковал от жалости к себе. Мальчик, мальчик. Читал в детстве! Было время, когда Андрей Андреевич очень сурово встречал литературных новичков, а теперь он литературный старик, и погоду делают они – новые! Всё поменялось. Мэтр, которому через пять лет будет семьдесят, должен жалобно лепетать, убеждая, что обладает талантом!

– Говорите, у вас эротический роман? – заинтересовался Семёнов.

– Эротический. Начало двадцатого века. Графини, князя. Думаю, фон удачный.

– Интересно, очень интересно. Дадите прочесть? Ха, что мы стоим здесь? Едемте ко мне в офис, – продолжал кипеть Саша.

Они спустились по лестнице в обширный вестибюль. Андрей Андреевич чувствовал величайшее смущение – этот восторженный мальчик конечно же был беден и, кроме зарегистрированного устава своего издательства, ничего не имел за душой. Таких «издателей» толпы ходили по процветающим собратьям, предлагая совместные проекты.

Оказавшись на улице, Андрей Андреевич хотел вежливо попрощаться, сославшись на занятость, но Саша опередил его – он вытянул вперёд руку с ключами автомобильной сигнализации, и ему ответило из ряда машин сверкающее перламутром чудо новейшей модели фирмы «БМВ». Такая карета стоила громадных денег. Андрей Андреевич был шокирован. А мальчик-то с деньгами!

– Не беспокойтесь, Андрей Андреевич. Мы быстро. Офис здесь же, в центре, – заверил Саша.

Когда они мчали в роскошной машине по шумному проспекту, Андрей Андреевич спросил:

– Извините, Саша, за любопытство, у вас ведь есть деньги, как я понимаю, зачем же вы стучитесь в чужие двери?

– А-а-а-а. Вы о совместных проектах? Скажу честно, Андрей Андреевич, у меня есть в обороте несколько десятков тысяч долларов, но, чтобы издательская деятельность приносила хорошую прибыль, надо вертеть сотнями тысяч. А лучше – миллионами. – Саша весело подмигнул.

– Понятно.

Офис оказался маленьким – вестибюльчик и две комнатки. Здесь раньше был бутик дорогой одежды, но он недавно обанкротился. Никого не было, даже охранника.

Саша кивнул на свои наручные часы:

– Обед. Да и сотрудников у меня всего трое. Мы издательство юное, заварили кашу два месяца назад. Но уже издали две книжки. Садитесь, Андрей Андреевич.

Андрей Андреевич сел в маленькое креслице на колесиках. Саша Семёнов оказался за своим столом, скрестил руки в замок.

– Итак, у вас роман.

– Пока план романа и первые главы. Хотел показать, если заинтересует, можно работать дальше.

– Ага. Понятно. Что ж, давайте ваши главы и план.

Саша минут двадцать читал текст, изучал с задумчивым видом план, делая в нём пометки шариковой ручкой. Андрей Андреевич ждал. Что же, что молодое издательство, что же, что директор – юнец. Какая разница, кто купит опус?

– Вы знаете, мне нравится, – оторвавшись от бумаг, сказал Саша и улыбнулся. – Это можно издать. Но вы должны мне помочь.

– Как? – удивился Андрей Андреевич.

– Я думаю, что раздобуду деньги на выпуск вашей книги и на ваш гонорар, но вы поговорите со спонсором.

– Спонсором? – Андрей Андреевич не понял. Оказывается, придётся искать спонсора, снова ходить, канючить деньги...

– Есть человек, который даст деньги, – пояснил Саша. – Вы с ним переговорите. Он мой знакомый. Частично финансирует бизнес.

– Что я ему скажу?

– Вы пообещаете следующую книгу написать по заказу этого господина.

– А кто он?

– Преступный авторитет.

– Что? Преступник?

Саша рассмеялся:

– Андрей Андреевич, дорогой. Что вы так всполошились? Он не преступник в чистом смысле этого слова. Он своеобразный гангстер, проповедующий свою философию... На издание книг требуются деньги. Кто их дает? Правительство? Мизер. Преуспевающие политики и банкиры? На издание книг о себе любимых. Нефтяники? Газовики? Самую малость, в рекламных целях. Массовые издания финансирует криминал. Почему, вы думаете, так пестрят витрины книгами о ворах, братве и путанах? И по книгам выходит, что все они святые люди... Кто платит, тот заказывает музыку.

– Что же я ему скажу? – снова повторил Андрей Андреевич, рассеянно пожимая плечами. Встретаться с каким-то преступным авторитетом, говорить с ним – ужасно! Он получит за книгу ворованные деньги...

– Он попросит вас написать книгу о ворах, вы согласитесь. Дальше говорить буду я. – Видя нерешительность Андрея Андреевича, Семёнов добавил: – Для себя же предстоит постараться! А, Андрей Андреевич? Под лежащий камень вода не течёт!

– Ну хорошо. Куда мне подъехать и когда?

– Завтра приходите сюда, вместе поедем на встречу. А сейчас возвращайтесь домой и работайте. План книги я утверждаю, деньги мы завтра выйдем. Теперь дело за главным – за готовой рукописью.

Андрей Андреевич опустил в карман пиджака визитную карточку Саши Семёнова и покинул офис...

Теперь карточка лежала на столе, рядом с клавиатурой. Андрей Андреевич повертел карточку в руке. Да, действительно счастливый случай.

Но в первый день он не был до конца уверен, что договор на издание будет заключён – всё зависело от встречи с преступным авторитетом...

Утром следующего дня Андрей Андреевич и Саша поехали к преступному авторитету Суеву Юрке, по кличке Ондатр. БМВ вихрем пронесся по загородной трассе до охраняемого поселка нуворишей. У кирпичного забора одной из вилл машина встала.

– Приехали, – сказал Саша.

Андрей Андреевич вылез из салона. С забора за ними следили видеокамеры. Впереди были железные ворота. Калитку отворил свирепого вида мужик с короткой стрижкой, явный уголовник. Саша и Андрей Андреевич прошли во двор и... оказались в берёзовой роще. За забором был целый парк! Они пошли по бетонной дорожке к дому, больше похожему на дачный дворец – дом был огромный! По обе стороны дорожки рос ухоженный кустарник. Из-за одного куста доносились страстные женские стоны. Андрей Андреевич ясно понял, чем там впереди за кустарником занимались.

Стало видно, что на надувной подушке сидел худой мужик, бритоголовый, с волосатыми ногами. На нём извивалась молодая привлекательная девушка, потная от страсти. Андрей Андреевич жутко смутился.

– Юрий Палыч! – громко позвал Семёнов, не решаясь обойти этот куст.

Парочка затихла. Девушка слезла с партнёра. Андрей Андреевич хорошо разглядел её лицо. Где-то он её видел. Худой мужик тоже поднялся, сгрёб с земли свои плавки.

Из-за дома вышел тоже худой, лет сорока мужчина в спортивном костюме. Лицо его покрывали рытвины, словно он переболел оспой, взгляд был пустой.

– Спасибо за всё. Возьми. – Одетый передал девушке деньги, и та убежала в дом. На голого собрата он прикрикнул: – Скот! Нельзя это было делать внутри дома?!

– Но, Юра...

– Пошёл...

Так вот кто Ондатр. Андрей Андреевич понял, почему Суеву дали эту кличку – два передних резца явно выделялись в его зубах, деляя похожим на грызуна.

– Саша, проходи! – Ондатр пыгливо посмотрел на Андрея Андреевича: – Это вы известный писатель?

– Андрей Андреевич, – представился Егоров.

– А я – Юрий Павлович. Но вы человек пожилой, зовите меня просто Юра. Прошу. – Авторитет указал на пластмассовые кресла у круглого стола. На столе стоял чайный сервиз и вазы со сладостями и фруктами. – Присаживайтесь. Итак, вы, Андрей Андреевич, решили писать о нас, о поборниках криминальной идеи, о ворах? Сейчас это тема ходовая. – Да.

Андрей Андреевич сконфузился. Только что виденное совокупление и богатая обстановка давили на него. Он беспомощно посмотрел на Сашу.

– Дядя Юра, сейчас Андрей Андреевич заканчивает эротический роман о распутной баронессе. Книга пойдёт. Помогите. Второй роман будет о ворах, «рыцарях удачи». Я тебе говорил – Андрей Андреевич известный писатель, лауреат госпремий.

– Был. Был известный, – вставил Ондатр и посмотрел пустыми глазами на Андрея Андреевича, словно обдал ледяной волной. Глаза смерти. Потом заулыбался. – Я ведь читал ваши книги, Андрей Андреевич. Ха-ха. В тюремной библиотеке у нас была целая подборка ваших фолиантов. Ха-ха. Честные благородные советские люди, а теперь – эротика и воры. Ха-ха. Эротика – это хорошо, это ходкий товар, одобряю. Будете писать о ворах, там тоже побольше этого... эротики хреновой... Пейте чай. Чефир? Нет? Ха-ха! Шучу! Пейте, чай хорошо заваренный, ароматный, лечебный.

Андрей Андреевич взял в руки чашку с крепким чаем, сделал глоток. Ондатр, закинув ногу на ногу и развалясь в пластиковом полу-кресле, пылливо следил за ним. Это сковывало. Андрей Андреевич ощутил, что боится уголовного: пальцем шевельнёт – придавят здесь, как клопа.

– Эротика – это хорошо, – повторил Ондатр. – Видели здесь эротику?

– Нет, что вы, – смущенно ответил Андрей Андреевич. – Только стоны слышали.

– Хорошо, что не видели. Зрелище отвратительное. Но вам предстоит писать об этом, вы должны знать.

– Посмотрю несколько порнороликов в Интернете.

– Порно – глупость. Надо видеть живую... Идея! Послезавтра у меня пикник на природе – приезжайте с Сашей. Будут гости – два дружка моих выходят с зоны, хочу их приветить, развлечь. Поедите, выпьете, послушаете, посмотрите. Да и мне престижу прибавится – в друзьях известный писатель! Мы ведь теперь друзья?

– Да, да, – закивал Андрей Андреевич. – Конечно.

Ондатр протянул ему руку, и Андрей Андреевич, тушуясь, пожал её. Господи, что бы сказал сын, узнай он о таком!

В город возвращались с разными чувствами. Андрей Андреевич был задумчив. Он не мог переварить происшедшую встречу с уголовником, она потрясла его до глубины души. Надо же!

Саша, напротив, был рад. Он, улыбаясь, вёл машину. На заднем сиденье лежал дипломат – Ондатр в присутствии Андрея Андреевича передал молодому издателю деньги на эротическую книгу.

В офисе Саша выдал Андрею Андреевичу тысячу долларов, но договор подписывать не стал.

– Дядя Юра хочет сам прочесть весь роман. Если ему понравится, он заплатит вам значительно больше положенного. Пока аванс – тысяча зелёных, потом ещё дам. При нынешнем курсе неплохо, а?! И работайте, работайте быстрее. А послезавтра едем на пикник. Встретимся также у офиса, как сегодня. Это обязательно, без всяких «заболел» или «не могу». – Посмотрев на задумчивого Андрея Андреевича, Семёнов пожал плечами: – А что делать? Мы люди подневольные – бизнес!

Дома у Андрея Андреевича работа не шла. Он устало и тупо смотрел в монитор компьютера:

«Графиня Бескова и пани Вешковецкая, прелестные женщины, идеалы небесной красоты и самые развязные распутницы империи, поедали крошку. Их подружка, любовница купца Куркова баронесса Настя Зинельс, обещала им сегодня «рандеву» с «неутомимыми дикарями».

Настя Зинельс, облизывая ложку, лукавыми глазами стреляла в подруг. Огонёк её бесовского взгляда обещал изумительное наслаждение. Поэтому еда приносила чувственное удовольствие. У гулён от внутреннего возбуждения сердца бились часто-часто, а рты наполнялись голодной слюной. Крошка холодным квасом сбивала кипение крови в молодых венах.

Внешне обед смотрелся совершенно прилично. Ангел Мари не улавливала бесовской бури, бушевавшей в душах окружающих её светских женщин. Они потрясли её воображение своим положением, умом и обаянием. Какие они душки! Как они снисходительно говорили о

валявшихся у них в ногах министрах и генералах, как осмеивали гвардейских и храбрых морских офицеров. Мари млела.

Гости, невинно смеясь и шутя, поедая крошку, истекали желанием отдаться кузнецам и пахнущим ядрёным потом косарям с могучими...»

Андрей Андреевич отвлёкся. Звонил телефон. Не сотовый – домашний. Встать или нет? Если подойти, опять долго настраиваться. Но ведь это, наверное, Машка звонит. Собралась замуж за этого дурака поэта Самсонова. Поэт – разве профессия для мужчины? Стихами сыт не будешь. Поэты всегда голодные.

Телефон смолк. Андрей Андреевич обратился к монитору компьютера. Пальцы сами пробежали по клавиатуре: «Графиня изменившимся лицом бежит пруду...» Всё, сбился. И эту фразу знаменитую историческую к чему нашёлкал? Плагиат, батенька, совсем не к месту. Зачем его графиня бежит пруду и что у неё с лицом?

Хватит! Андрей Андреевич расслабился. Работа не шла... Надо было отвлечься. Он сходит к сыну прямо на работу, поделится радостью о творческой поделке и деньгами!

Геннадий нервно постукивал карандашом по чистой от пыли и бумаг поверхности своего стола. В нём кипела злость и с каждой минутой росла досада. Ох, Машка, Машка! Как же так? Он даже уже примирился с мыслью, что легкомысленная доченька станет женой дурака поэта, а тут номер – Машка беременная, а толстый подлец Самсонов раздумал жениться! Кабан! Геннадий сжал кулак – карандаш с хрустом переломился.

Поэт Мишка Самсонов, гордо величавший себя «Мамонт Самсонов, коммерческий поэт, динозавр жанра», в глазах Геннадия с самого начала их знакомства был козлом. Здоровенный, толстый, с русой шевелюрой из крупных кудрей, он выглядел импозантно: всегда в костюм-тройке, когда при бабочке, когда с шейным платком под дорожкой рубашкой, руки холёные, наманикюренные ногти, на мизинце – ажурный перстень с алмазной крошкой. Курил дорогие дамские сигареты, но пил водку и любой крепкий алкоголь, даже самого низкого качества. На каждом углу кричал: «Жизнь – дерьмо!» Обжираясь блинами с красной икрой, особенно страдал, что жизнь идёт не так, как хотелось, что вокруг всё дрянь, а он – динозавр жанра. Вот родился он в начале двадцатого века, то попал бы в струю – после Октябрьской революции поэзия кипела, волновала сердца, разжигала пожары в душах, а сейчас кому она нужна?

Издавался Мишка с трудом, на что жил – непонятно, но имел двухкомнатную квартиру в центре, подержанное авто-иномарку и постоянно ошивался в дорогих ресторанах и на светских тусовках.

На широкую арену Самсонов как поэт выплыл на Ленине. Как раз шли предвыборные баталии, и монархическая партия заказала Мамонту какую-нибудь агитационную поэму, понижающую коммунистов и пролетариев. Мишка пошарил в пыльных закромах школьной библиотеки у своего дома (тогда в пространство Интернета выхода он ещё не имел), наскоро ознакомился с имеющимися поэтическими одами о Ленине и за пару часов состряпал заказ. Поэма называлась «Как печник не поверил Ленину». Печник Савельич выкладывал печку для Ильича, но ему нашептали соседи, что кто-то в дневное время навещает его внучку Дуньку. Думая на великовозрастного балбеса Потапа – кулацкого сынка, Савельич бросил работу, выломал из забора длинный толстый дрын и кинулся на расправу:

...Злой старик ворвался в хату,  
С дрынком к спальне – напрямик.  
Вдруг из спальни вышел... Ленин.  
– Ленин! – так и сел старик...

Потом как Ленин ни пытался внушить печнику, что всего-навсего объяснял девушке задачи коммунистического переустройства общества, тот не поверил. Разочаровавшись в Ильиче, печник ушёл к белым. Он просился в солдаты, но его не взяли. Адмирал Колчак, наслышанный о славе печника, попросил выложить печку. Старик с удовольствием выполнил просьбу. Печка вышла – одно загляденье. Колчак щедро наградил старика деньгами. Но печник от денег отказался – как можно, деньги с благодетеля России! Подозрительный адмирал усмотрел в отказе явное пренебрежение старика к монархическому движению и симпатию к коммунистам и приказал печника расстрелять. И печника шлёпнули.

Начало поэмы привело монархистов в экстаз, но окончание...

– Мамонт, вас не туда занесло! – возмутились монархисты. – У вас Колчак – явный зверь, поборник кровавой реакции. Почему он расстрелял печника? Что о нас подумают избиратели?

Поэму не приняли. Раздосадованный Мамонт, злясь, поменял Ленина и Колчака местами и предстал перед избирательным штабом «красных». Там Самсонов еле избежал избиения.

– Самсонов, что вы пытаетесь нам всучить?! Ленин приказал расстрелять печника! Вы с ума сошли! Народ до сих пор попрекает нас расстрелом царской семьи!

Мамонт остался без гонорара, на который рассчитывал. Его выручила шумиха, поднятая мировой журналистикой вокруг пристрастия Билла Клинтона к молодым девушкам. В то время Клинтон был президентом США, интрижка с Моникой Левински грозила ему импичментом – все об этом только и говорили. Проворный Мамонт переделал поэму на современный лад: «Клинтон и печник», имея в виду тёзку американского президента. Этот самый Билл Клинтон, чтобы не светиться в США, стал инкогнито наезжать в Россию и посещать внучку печника Савельича. Соседи намекнули Савельичу, что в рабочее время, когда старик кладёт печи, к его хате периодически подкатывает кортеж из шести лимузинов, и представительный мужчина в чёрных очках и с саксофоном посещает юную Дуньку. Бросив работу и схватив длинный дрын, Савельич кинулся домой:

Злой печник ворвался в хату,  
С дрынком к спальне – напрямик.  
Вдруг из спальни вышел... Клинтон.  
– Хэлло, Савельич!  
– Клинтон! – так и сел старик.

После объяснений выходило, что Клинтон посещал юную леди ради игры на саксофоне. Ещё автором делались тяжеловесные намёки, что только Дунька играла на «трубе» Клинтона – история из Белого дома повторялась в российской провинции, в том числе и пятна на платье.

Поэму купил бульварный еженедельник. Номер разошёлся мгновенно, принесся известность молодому поэту. Пришлось допечатывать лишние двести тысяч экземпляров. Мамонту за поэму заплатили тысячу долларов.

Вечером он пил водку в ресторане, заедая солёной севрюгой, плакал, ругал жизнь и называл себя «динозавром жанра».

– С Лениным поэма читалась лучше! А так, испохабил стихи ради денег...

Рядом гуляла компания ура-патриотов. Мамонту выделили пять тысяч рублей и попросили экспромт о политическом враге, бывшем и единственном президенте СССР. Взобравшись на эстраду, выпячивая нижнюю тяжелую губу и тряся кудрями, Мамонт завыл нараспев:

Империя досталась ему.  
Полмиром правил – царь и бог...  
Но продал всё!  
Всё развалил,

Всё пропил с королями...  
И пиццей торговать пошёл,  
И центы брал на чай  
У школьников английских,  
Согнувшись,  
Через руку с полотенцем,  
Как целовальник...

Сидевшая за дальним столиком полная политическая дама криво усмехнулась и выговорила:

– Мамонт Самсонов – политическая проститутка.

Прошло много лет. Самсонов не стал ни на йоту лучше. И вот эта «политическая проститутка» определил в шлюхи дочь Геннадия Егорова Машку – поимел и бросил. Козёл!

Геннадий потянулся к телефону, намереваясь позвонить Самсонову, но тут дверь кабинета отворилась, и на пороге предстал отец.

– Отец? Ты? – удивился Егоров. – Тебя пустили?

– Сенька на калитке сидит, – засмеялся Андрей Андреевич, прошёл в кабинет, сел на стул перед столом сына. – Что бледный такой? Устал?

Егоров потёр виски. Выплыла дилемма: говорить отцу о беременности дочери и отказе Самсонова жениться или нет? Отец знал, что Машка собиралась замуж за поэта. Видя возбуждённое, радостное лицо отца, Геннадий решил пока не говорить – сначала изобьёт того подонка, а потом...

– Работа, отец, сам понимаешь.

– Да, да, Гена. А я с хорошей новостью. Вот. – Андрей Андреевич суетливо полез в карман пиджака и вытащил семь стодолларовых купюр. – Возьми.

– Семьсот зелёных! Откуда? – Егоров удивился. В последнее время у него был постоянный напруг с деньгами из-за взятых кредитов. Когда кредиты оформлялись, он рассчитывал и на зарплату жены, но супругу неожиданно сократили...

– Откуда я могу взять деньги? Веду переговоры об издании своей книги. Пока аванс дали тысячу. Себе три сотни оставил.

– Папа!

– Перестань, мы одна семья. Из всех нас только я один могу быстро заработать, и много. Я же всё понимаю.

– Отец, спасибо! Мне так неудобно...

– Перестань. Подпишу договор (я роман ещё не закончил), оплатят хорошо – уже делали намёки, что не поспеются.

– Поздравляю! Здорово! – Егоров взял деньги, спрятал в карман. – Ты мне классно помог, отец.

– Ерунда. Вот выплатят гонорар, весь его отдам Машке на приданое. А то поэт её накормит... А ей ещё учиться надо! Я ведь против был всего этого, а потом подумал, подумал – для Машки нашей ведь счастье ублажать этого кабана... Пусть радуется. Ну... не получится, что ж, мы же рядом, в конце концов... вытянем, что бы ни случилось...

Геннадий помрачнел. Отец как чувствует. Но пока он ничего ему не скажет. Может, всё ещё наладится. Этот кабан (как говорит отец) переберется и одумается. Машка-то ведь не замухрышка – мисс Вселенная, не меньше, высокая, красивая...

Андрей Андреевич подумал, что сын загрустил из-за своего тугого положения с деньгами, что сам не в состоянии устроить свадьбу и помочь молодым, поэтому тут же решил уйти, чтобы дальше не расстраивать его.

– Я пойду, Гена. Торопят. Быстрее, говорят. Ох. – Андрей Андреевич вздохнул. – Прямо камень с души...

– Было бы хорошо, папа... Ты бы нам здорово помог с Машкиной свадьбой.

– Помогу, Гена.

– Я сегодня позвоню тебе, а завтра или послезавтра зайду обязательно.

После ухода отца, ещё раз взглянув на свалившееся с неба богатство (семьсот баксов – минуту назад и мечтать о них не смел!), Егоров решил немедленно наказать Самсонова – душа кипела обидой за дочь, за себя, за всё накопившееся...

Мамонт упоённо работал. Ему недавно заказали поэму о нерадивых работниках медицины – врачах и медсёстрах, заказала ассоциация народных целителей. Целители нападали на медиков, чтобы отбить клиентуру.

Мамонт пошёл по проторенному пути – взял за основу старый поэтический материал по теме и переработал на новый лад. Он решил, что детский стиль охватит тему полнее, поэтому взял в оборот «Доктора Айболита». По-новому поэма именовалась коротко, но хлёстко, как пощечина: «Ветеринар».

А в Африке, а в Африке,  
На чёрной Лимпопо,  
Весёлые жирафики  
Погибли от того,  
Что по запарке Айболит  
Вколол им всем гидропирит...

Для невежественных слушателей – а Мамонт знал, что народные целители в основной массе своей бывшие троечники с неполным средним образованием, не говоря о медицинском, – так вот, для невежественных слушателей к поэме прилагалась таблица с пояснением значения «трудных» слов. Гидропирит Мамонт вписал в таблицу как химическое токсичное вещество, в быту используемое для осветления волос.

Дальше следовало объяснить, почему в походной аптечке доктора оказался пресловутый осветлитель. На свет божий появилась молодая дерзкая ассистентка – старичка Айболита потянуло на «сладенькое». Ассистентка дни напролёт красила ногти, осветляла волосы гидропиритом и втихушку потягивала из мензурок медицинский спирт.

Мамонт оторвался от печатания – на мониторе компьютера поэма выстраивалась аккуратными типографскими четверостишьями – и счастливо вздохнул, сто тысяч за «Ветеринара» он с целителей снимет, это факт!

За спиной вдруг кто-то тяжело задышал, и Мамонт испуганно дёрнулся.

Егоров что есть силы всадил поэту кулаком между глаз. Кабан опрокинулся на пол, зацепив собой компьютер. Монитор лопнул. Хищно улыбаясь, Егоров встал ботинком на клавиатуру и хлёстко врезал Самсонову пинком в лицо.

Мамонт хрюкнул, блеванув кровью.

– Пидор! – рявкнул оскорблённый отец. Он ещё раз пнул кабана в брюхо и, брезгливо кривясь, пошёл прочь. Что ещё взять с подонка? Придётся Машку на аборт тащить. Прерывать первую беременность очень нежелательно. Если что с ней случится, он уроет кучерявого гада – удавит по-тихому.

Мамонт, сплевывая кровь и кривясь от боли, привстал на руках – сука, как он вошёл? Неужели дверь была не заперта?

С сожалением обзрев угробленный монитор и держась за разбитую переносицу, Мамонт вытащил флеш-карту из проёма компьютера, достал из ящика стола ноутбук, вставил в него

– на экране ноутбука высветилась поэма. Целая. Мамонт не раз бывал в передрягах и, когда творил, немедленно всё сохранял для верности.

Сука Егоров, и дочь его сука. Но он оплатит за унижение. Не такой он человек, чтобы позволять каждому козлу...

Умывшись, Самсонов стал названивать своему другу-бандиту. На днях у крутого авторитета намечалось торжество – сорокапятилетний юбилей, и Мамонт сочинял оду о правильном разводе и боссе суровых ребят.

Самсонов ждал, когда ответят, и попросит вместо гонорара за оду наказать Егорова – избить до крови. При этой мысли Самсонов заулыбался, глядя в зеркало на свою вспухшую физиономию – избыют до крови, и только. Он ведь не зверь, не хочет смерти отца своей бывшей невесты...

\* \* \*

Геннадий вернулся домой мрачнее тучи – расправа над Мамонтом несколько не удовлетворила его, не уняла отцовской боли. Почему Машка выбрала такого идиота? Вокруг тысячи прекрасных молодых людей, красивых, по-спортивно подтянутых, умных и умеющих ценить любовь достойных женщин! Нет, надо было подсесть на никчемного, значительно старшего по возрасту дурака!

У порога квартиры взволнованная жена пристально посмотрела ему в глаза. Геннадий понял: опять что-то неладное в семье. Ох, как достала его Машка! А ведь ещё одна красавица подрастает – Наташке уже пятнадцать, скоро тоже начнёт вычубучивать, тогда держитесь, родители! С одной девахой тяжело, а когда две начнут выкидывать коленца, тогда всё – полная амба!

– Ну, что? – спросил он напряженно.

Жена отвела взгляд.

Геннадий торопливо полез в нагрудный карман джинсовой куртки, вытащил деньги, полученные от отца, – пятьсот долларов (двести пока придержал).

– Возьми.

– Что это? – удивилась жена. – Доллары? – И тут же ухмыльнулась: – Взятки стал брать? Валюту домой принёс!

– Ага, взятки... Кто бы дал! Отец что-то комбинирует по своему писательскому делу, вот, подкинул бумажки. Я сам не стал менять в обменнике, не стал светиться.

Забрав купюры, жена закатила глаза:

– Боже, он боится светиться! Великие деньги побоялся обменять – пятьсот долларов!

Геннадий Егоров – великий коррупционер...

– Ира, мне не нравятся такие шутки.

– А мне не нравится, что ты всё время на службе, а я одна!.. – взъерилась вдруг жена. – А их двое! Я уже не в состоянии сдерживать... Ты отец или приходящий дядя?

Геннадий понял, что его подозрения обоснованны – дома что-то случилось, опять Машка из-за своего кучерявого уroda матери нервы мотала! Господи, почему у всех всё нормально и только в их семье вечные разборки и скандалы?

– Что опять? Скажи! Объясни путно. – Он снял джинсовую куртку, повесил на вешалку, стянул туфли, пошевелил пальцами во влажных, потных носках, снова обратил взгляд на жену: – Говори! Что молчишь?

В это время дверь спальни дочерей приоткрылась и послышался говор в комнате. Гости!

В прихожую вышли три высоких худых парня лет шестнадцати, все в чёрном, крашенные длинные волосы, серёжки в ушах, на цепях замысловатые каббалистические амулеты. И с ними

– дочь Наташка, такая же раскрашенная, словно ведьма из фильма ужасов, в таких же побрякушках.

«Господи!» – ёкнуло в душе у Геннадия.

– Здравствуйте, дядя Гена, – поздоровались парни, отгесняя Геннадия от входной двери, стали надевать обувь.

Давая место гостям, Геннадий ошалело спросил у дочери:

– Наташа, что это?

– Она теперь гот! – всплеснула руками жена.

– Гот? – продолжал обалдевать Геннадий, глядя на разукрашенную Наташку и её долго-вызых друзей. – Это были такие племена в эпоху Римской империи...

– Это молодёжная субкультура, отец! – звонким голосом заявила Наташка.

– Что за культура? Панки? – После потрясения от нового образа младшей дочери Геннадия резануло по сердцу грубоватое обращение «отец». «Отец» – так говорят парни, а девчонки обращаются ласково «папа».

Парни снисходительно рассмеялись невежеству Геннадия, пояснили:

– Панки – это панки. Это было во времена вашей молодости. А мы – готы. До свидания, Геннадий Андреевич!

– Пока! – махнула рукой Наташка, выходя вслед за дружкойми из квартиры.

– Ты куда?! – возмутился Геннадий.

– Гулять! – в ответ возмутилась Наташка и с силой захлопнула входную дверь.

Геннадий посмотрел на жену:

– Это чё было?

– Вот-вот, из-за своей работы ты дочерей совсем прозеваешь.

Она пошла на кухню, всем своим видом давая понять Геннадию, что он очень виноват перед семьей.

Геннадий пожал плечами – он-то при чём? Они бесятся, а он виноват? Господи, теперь эта – гот... Нет, он думал, что завихрения в мозгах Наташки начнутся попозже, через год-полтора, но, видимо, прогресс убыстряет развитие детей.

Сердце защемило. Ему что теперь, на сто частей разорваться?! Захотелось курить, и Геннадий вышел на балкон.

День был солнечный, но не жаркий. Небольшой дворик, образованный их панельной многоэтажкой, соседней трехэтажной гостиницей из серого кирпича и неровной полосой старых кладовых и гаражей, нежился в уютной, благодатной неге.

В соседнем подъезде на балконе сидел Бонивур. Балкон Бонивура был совершенно открытый, состоявший только из железных штырей ограждения, но это нисколько его не смущало. Виталий Сонин сам так себя назвал. В далёкой юности, в семидесятых годах прошлого века, в эпоху великого процветания, когда правил Советским Союзом Леонид Ильич Брежнев, на телеэкранах частенько транслировался приключенческий эпос про красного партизана времён Гражданской войны, боровшегося с японской оккупацией Дальнего Востока, – Виталия Бонивура. Этот герой так потряс сознание Виталия Сонины, что он стал с той поры, особенно в пьяном виде, именовать себя не иначе как Бонивур.

Это был великолепный сорокапятилетний мужчина – поджарый, мускулистый, высокий. Он сидел на балконе в плавках – другой одежды не было – и, держась руками за штыри ограждения, очень походил на человекоподобную обезьяну в зоопарке. Он был уже прилично пьян, но намеревался продолжить алкогольные наслаждения. Денег на утеху не хватало, и его зоркий глаз обшаривал каждый квадрат тихого дворика.

Всю сознательную жизнь Бонивур сидел на шее покорной матери – трудиться ему было как-то в тягость. Пил он тоже на халяву, но пил так, что его несколько раз запирали в психушку, где прокачивали от «белочки». После последней экзекуции с лечением он вернулся во

двор особенно добрым и заявил, что теперь он – Полковник. Никто не противоречил. Видимо, лечащий врач нашёл в его сознании особенные таланты полководца.

Бонивур томился. Он несколько раз поглядывал на нервно курившего Геннадия – тот был далеко, и с ним, даже громко крича, общаться было невозможно.

Геннадий, докурив, уходит с балкона не торопился, он чувствовал, что сегодня Полковник проявит себя – он ежедневно себя проявлял...

Бонивур, посмотрев вниз, где сидели на скамейке перед входом в его подъезд соседки, громко прорычал:

– Э-э-э... Пи-пи-пи!!!

Соседки тут же всполошились.

– Пи-пи-пи-пи-пи!!!

Не теряя хладнокровия, он опустил плавки и стал писать вниз на уважаемых дам.

Поднялся страшнейший переполох. На Бонивура кричали снизу, грозили кулаками.

И только два человека сохраняли полнейшее хладнокровие – Полковник и Геннадий, который знал, что оргии соседа только начались – жажда алкоголя поднимет весь двор на уши!

Усмехнувшись, Полковник ушёл в свою квартиру. А дамы, поругиваясь, передислоцировались на скамейку у другого подъезда.

Конфликт погиб сам собой. Геннадий усмехнулся. Что-то быстро Полковник сегодня угомонился!

Но нет! Бонивур, нацепив чёрное застиранное трико, вынесся из подъезда на простор двора, активный, словно застоявшийся жеребец. Энергия в его организме бурлила, желание выпить застилало остальные мысли.

– Эй, Бонивур!

Оглянувшись на окрик, Полковник сразу потеплел – перед ним стояли два пенсионера-ниндзя, Антон Семенович и Семен Семенович.

Первый был пузатым гигантом, второй – сухоньким коротышкой. Оба, начав заниматься карате, обалдели, впали в лёгкую фазу маразма, взяли китайские псевдонимы и теперь доучали всем хулиганам. Во двореке было очень уютно вечерами пить пиво, громко кричать дурными голосами и визгливо хохотать женщинам. Но пенсионеры-каратисты все эти привычные удовольствия пресекли. Они подходили к довольным жизнью юношам и, не здороваясь, наносили ногами удары по ушам. Возмущения пресекались дополнительными ударами. Теперь во двореке вечерами бушевали только местные аборигены, хотя и им периодически доставалось.

Алчущий алкоголя Бонивур кинулся к ниндзя.

Глядя на высоченного Антона Семёновича, Бонивур скукожился и, изображая полное смирение, гундоса, попросил:

– Дядя Антон, дай двести рублей! Нутро горит!

– Ты забыл, как велено обращаться? – пророкотал дядя Антон. И тут же Бонивур получил здоровенный удар ладонью в ухо, едва удержавшись на ногах.

Маленький Семен Семенович в прыжке легонько добавил ногой в другое ухо.

Оба ниндзя ходили по двору в чёрных футболках с длинными рукавами, в чёрных льняных засаленных трико и китайских чешках.

Геннадий, наблюдая, как Бонивур получает «порицания» от старших, посмеивался. Но Полковник вдруг возмутился:

– Вы чё, старичё? Охренели?

Бонивур теперь был вылитый знаменитый Крамаров.

Прищурившись недобро, он скрылся в подъезде.

Ниндзя, усмехнувшись, степенно пошли за дом, видимо, уже взяли под контроль ещё пару соседних двориков.

Геннадий уходить не собирался – эксцессы Бонивура, он был уверен, продолжатся немедленно...

Через минуту после ухода стариков-каратистов, Полковник вынесся из подъезда, снедаемый гневом. За такой короткий отрезок времени он успел взбежать на четвёртый этаж, перешарил содержимое выдвижных ящиков на кухне (перепугав старенькую мать) и, не опускаясь до объяснений, сжимая кухонный нож на деревянной ручке с длинным лезвием, устремился на улицу. Наказать стариков-каратистов он собрался с кровопусканием.

Но врагов не было.

Это озадачило Бонивура, но не охладило гнева.

Тем временем в однозвёздочной гостинице, расположенной перпендикулярно к дому Геннадия и выходящей окнами в общий двор, по случаю летнего зноя все окна были открыты настежь, и публика предавалась меланхоличному созерцанию уютного внутреннего дворика. Только на первом этаже, восседая за столом у окна, весело и громко разговаривали выпивающие горячительное водители-дальнобойщики. Они сидели по-домашнему – в тапочках, трико, майках, общаясь преувеличенно громко и цензурным лексиконом не ограничиваясь.

– Эй, вы! – вскричал Бонивур, грозя кухонным ножом.

Столь наглая выходка Полковника озадачила подвыпивших мужчин – какой-то хлыщ посмел окликать их, четверых здоровяков, и грозить ножом.

– Вы! Что тут пьёте! А? – Бонивур сам хотел отдаться алкогольным возлияниям, и вид чужого благополучия злил его всё сильнее.

– Ты, урод, понял, на кого попёр? – удивился самый могучий из дальнобойщиков.

– Да! Я понял! И ты поймёшь! Иди сюда! Иди! Полковник с тобой разберётся! – кривлялся Бонивур, грозя ножом. Он чувствовал себя уверенно, ибо знал, что находился в полной безопасности. Даже если дальнобойщики решились бы вступить с ним в схватку, им пришлось бы покинуть свой номер через дверь, миновать коридор и вестибюль гостиницы, спуститься по ступеням широкого парадного крыльца, обогнуть здание, и только потом они попадали в пространство внутреннего дворика. А ещё требовалось добежать до второго подъезда, у которого грозился боевыми позами противник. Время было не в их пользу! Бонивур спокойно удалялся в подъезд и блокировал действие домофона на двери. Он уже не однажды подзуживал обитателей гостиницы обидными выкриками и всегда покидал место словесной перепалки с гордым видом: оскорбленные бегали очень быстро, особенно кавказцы, но не успевали. Полковник всегда ускользал от физической расправы.

Соседи, наблюдавшие нынешнюю сцену, в том числе стоявший на балконе Геннадий, ожидали предсказуемого развития локального конфликта. Но... Дальнобойщики вдруг разом вылезли во дворик прямо из окна и оказались перед онемевшим от потрясения Бонивуром.

Могучий пузатый здоровяк отнял у Полковника нож и врезал ему сочную оплеуху. Один из друзей могучего дал Бонивуру увесистого пинка под зад.

– Урод! – кипели гневом дальнобойщики.

Инстинкт самосохранения сработал у Полковника быстрее, чем его беспокойный разум, – вжимая голову в плечи, он умчался в подъезд и с силой захлопнул за собой дверь.

Дальнобойщики весело порадовались бегству негодяя.

– Козёл какой-то, – выразил общее мнение могучий предводитель компании, вертя в руке кухонный трофей. – Будем им колбасу нарезать! Что, раз уже на улице, может, в гастроном прогуляемся?

– Да, возьмём сразу пяток портвейнов, чтобы потом не выходить!

И водители большегрузов неспешно двинулись за дома, в сторону близкого продмага.

Подвергнутые принудительному сеансу уринотерапии соседки на лавочке у подъезда, где жил Геннадий, радостно обсуждали расправу над Бонивуром. Геннадий, стоя на своём балконе, решил ждать дальнейшего – не хотелось видеть надутого обидой лица жены. Она же знает, как

ему тяжело. Она пока не работает, могла бы и прикрыть на время собой семейную амбразуру. Тем более девчонки повзрослеют, вообще, больше с ней будут общаться и секретничать, а она навалилась – виноват, не уделяешь внимания. А ему кто уделяет внимание?! Кто? Пожалуй, только отец...

Дверь подъезда с грохотом распахнулась: Бонивур открыл её пинком.

– Ну, что делаешь? Что двери ломаешь? Ты хоть копейку дал на установку?! – загалдели соседки на лавке.

Полковник не удосужил их своим вниманием, зато разглядел Геннадия, прокричал ему:

– Генка, дай двести рублей!

Геннадий ухмыльнулся – только потворствовать оргиям Полковника ему не доставало!

– Нету денег! – прокричал в ответ.

Бонивур уже не смотрел на Геннадия, ворчал громко:

– Нету у него! Когда они у тебя были? Босота!

Тут его взгляд приобрёл осмысленность – заметил играющих у одной из кладовых дедов-пенсионеров. Деды всё тёплое время года резались за импровизированным столом в домино и карты, выставляя на кон по рублю.

Бонивур чуть набычился, чуть согнулся, растопырил руки и пошёл к дедам походкой бывалого рецидивиста – вид его не предвещал ничего хорошего.

Геннадий, на время забыв семейные передражки, посмеиваясь, следил за упорными попытками Полковника добыть денег на выпивку.

Бонивур встал перед дедами и о чём-то сурово заговорил, быстро шевеля пухлыми губами. Деды на Бонивура старались не смотреть и слушали, напряжённо затихнув. Бонивур несколько раз указывал рукой на любимый дом и снова шевелил губами, излагая свой взгляд на проблему.

Геннадий понял, что это могло длиться бесконечно долго, к тому же солнце начало давить зноем по-настоящему – он вернулся в прохладу комнаты, упал на диван перед телевизором. Правы были наши предки, когда имели привычку поспать после обеда часок-другой. Геннадий сейчас бы с удовольствием уснул, только вот обедать его никто не звал, а самому идти на кухню к затаившейся там жене не хотелось.

Хлопнула входная дверь – пришла жена с улицы. Когда успела выйти?!

– Слышал, что Полковник задумал? – снимая босоножки, прямо с порога спросила Геннадия так, словно они и не ссорились и не было надутых губ и пощёчек.

– Нет. А что такое?

Она прошла на кухню, жадно испила кваса из стеклянного кувшина, вернулась в зал.

– Подошёл к дедам и сказал, чтобы дали ему двести рублей; иначе, говорит, возьмёт дома ножовку по металлу, в подъездах перепилит трубы газовые и взорвёт дом!

– Ха-ха-ха-ха-ха-ха!!! И что, дали ему денег? Он не успокоится, пока не выпьет положенного!

– Не знаю. Я как услышала это от бабок, что у подъезда сидят, у меня сердце сжалось! Гена, он – реальный дурак! Он сделает! У него справка из психушки – угробит всех, и ему никто ничего не скажет!

– А ты что предлагаешь, денег ему дать на пьянство? – Геннадий покачал головой. – Не будет ничего, успокойся. Что, Бонивура не знаешь? Треплю он...

«...Кузнец, огромный бородатый гигант, с лоснящимся от пота литым загорелым телом, глядя исподлобья, крепко держал за локоть молодую бабу с серпом в руках.

– Ты чего, Парфён? А ну, пусти!

Кругом были пустые поля. Вечерело. Парфён следил за Авдотьей и, когда она приотсталала от молодых, бредущих с поля, вышел из-за кустов шиповника и рывком дёрнул её к себе. Не

давая опомниться женщине, кузнец вырвал из её усталых рук серп, выкинул далеко вперёд, затем большой ладонью зажал ей рот и стал гнуть бабу к земле. В глазах молодухи вспыхнул ужас. Она исхитрилась впиться зубами в руку кузнеца.

Кузнец отдёргнул укушенную ладонь.

– Ты что, Парфён! Я же мужняя! Пусти! – взмолилась женщина.

Парфён хлётко врезал ей по лицу и толкнул в пшеницу.

– А-а-а!!! – заголосила она, потом зашептала истерично: – Не трожь! Мужу скажу! Не трожь меня, Парфён!

– Убью мужа твоего, если скажешь.

Кузнец задрал подол юбок Авдотьи, обнажив тугой живот и ноги, возбудился. Спустив свои порты, он полез на молодуху. Женщина онемела от потрясения – у кузнеца естество было невероятное.

– Парфён, Христом Богом... Не сдюжу такого...

– Ни одной бабе не повредил – входит как по маслу. Ты попробуй его, сама ходить ко мне начнёшь.

– Накачаешь меня, ирод!

– Как бог даст.

Кузнец приступил к грубым ласкам. Авдотья уже не противилась...

– Шарман... Ля рюс мюжик. Ха-ха-ха.

Кузнец испуганно вздёргнулся.

Над ним и Авдотьей стояли три барыни. Одну он знал – баронесса Зинельс, двух других видел впервые. Но они были ослепительно красивы. Он страшно перепугался, вскочил на ноги. Его орудие туго качалось.

– О-ля-ля! – воскликнула одна из барынь. – Колосаль!

Другая, хитро улыбаясь, сказала, шепелявя, с польским акцентом:

– Матка бозка... Прелестно.

– Митридат, отпусти бабу. Она от тебя никуда не денется. Займись нами, – не стесняясь крестьянки, требовательно велела Зинельс.

Авдотья поползла в пшеницу. Барыни цинично засмеялись.

– Ложись, Натали, Митридат вынослив, как жеребец, – сказала графине Бесковой баронесса.

– Прямо так, на землю?

– В этом вся прелесть, моя дорогая.

Графиня, задрав юбки, послушно улеглась в помятую пшеницу. Кузнец вгляделся в прелести широко раздвинувшей ноги белокожей, пахнувшей дурманящими духами женщины и застонал от желания.

– Постарайся, милый, – попросила графиня, когда кузнец принялся за дело. – Тебя действительно зовут Митридат? Царское имя.

Кузнец, поглядывая на стоящих тут же баронессу и её подругу, оскалился:

– Меня зовут Парфён. А Митридатом кличет её сиятельство баронесса. У них в конюшнях есть конь-производитель Митридат, и у меня орудие такое же, как у их Митридата. Да.

– Вот как? – Графиня нахмурилась, обдумывая услышанное. Работа кузнеца уже приносила ей сладостные ощущения, но она ещё не отдалась всецело наслаждению. Спросила чуть ревниво: – Значит, ты баронессу пользовал?

– Ещё как! – отозвался кузнец. – Их сиятельства крепки на это дело!

Три женщины громко, на всю округу, захохотали...»

Глаза уже начали болеть от яркого света, излучаемого монитором. Тело затекло. Андрей Андреевич взглянул на часы – девять утра. Не спал всю ночь. Чёртова работа. Но зато написано

изрядно. А ещё предстояло ехать на дурацкий бандитский пикник, пить с ними водку, слушать блатную речь, смотреть на их шлюх. Мерзость. Глаза слипались от усталости и желания спать.

Он отправился на кухню, промыл глаза заваркой, потом сел пить крепкий кофе с сэндвичами – долларовой аванс наполнил жизнью его холодильник. Сэндвичи он сделал с сыром и ломтями ветчины. Ладно, перетерпит он этих бандюг, их скотство (а что скотство устроят, сомнений не возникало!), зато у него будут деньги на Машкину свадьбу, а потом он напишет опус о героических ворах-джентльменах и сможет оплатить учёбу внучек в институте. Не стоит хныкать и кривляться. Надо пересилить в себе старые табу, победить любой ценой. А оплачиваемая работа – это победа...

Семёнов на своём БМВ вопреки договорённости прикатил сам.

Когда в дверь постучали, громко и неожиданно, Андрей Андреевич вздрогнул. Кто бы это мог быть? Отложив недоеденный сэндвич, утерев рот льняной салфеткой, пошёл открывать. Увидев стоявшего в дверях Семёнова, удивился:

– Саша, вы? Но как вы меня нашли?!

Семёнов хмыкнул, улыбнулся непонятливости старого писателя:

– Очень просто. В киоске горсправки взял ваш домашний адрес и вот приехал. Мы же договорились сегодня ехать к спонсору!

– Да, да, я помню. Проходите в квартиру. Неловко на пороге разговаривать! Я бы подъехал к вашему офису, как мы договаривались. Не стоило беспокоиться. Я человек пунктуальный, особенно в той части, когда от этого зависят другие люди.

– Знаете, Андрей Андреевич, – Семёнов шагнул в прихожую, но дальше не пошёл, – творческие люди – народ непостоянный: на уме одно, тут же другое, потом третьё. Эмоции, впечатления, переживания... А тот человек, который нас пригласил, он не поймёт, если ему пообещать приехать – и не приехать или опоздать. Потому, уж не обессудьте, я за вами прямо сюда заехал.

– Понятно. Проходите в зал.

– Нет, я здесь вас подожду.

– Хорошо. Я быстро соберусь.

Андрей Андреевич двинулся в зал, про себя сетуя, что Семёнов из-за своей недоверчивости к нему помешал спокойно позавтракать. Ну да ладно. Надо дела делать. Надо потакать преступному авторитету ради издания книг, гонорары за которые закроют финансовые бреши семьи сына. Это самое важное сейчас.

– Один живёте? – прокричал из прихожей Семёнов.

Надевая отглаженную выходную рубаху, Андрей Андреевич, тоже крича, пояснил:

– Один, но сын всегда меня навещает, и внучки, и сноха.

– У вас внучки?

– Две. Маша и Наташа.

Андрей Андреевич вернулся в прихожую, оглаживая на себе рубаху.

– Готов.

– Отлично. Едем!

Помчали за город, в лес.

Ондатр и его друзья-уголовники уже сидели на раскладных стульях, вытянув голые волосатые ноги. Они были в купальных плавках, хотя рядом водоёма не наблюдалось. Оба рецидивиста были худые, изъеденные туберкулёзом. Хорошо выскобленные подбородки их физиономий темнели синевой. Андрею Андреевичу не понравились их пустые глаза, рахитические фигуры, большие ладони и ступни. Они смеялись, обнажая желтые кривые зубы. Оба были стрижены. Одного звали Агей, другого Гордей. Андрей Андреевич решил, что клички образованы от их фамилий.

– Чё, папашка, про нас книгу строчишь? – хмыкнул при виде писателя Гордей. – Ну делай. – Потом покровительственно велел Семёнову: – Выпей, фраерок, не трясись, как сука.

Ондатр, не вмешиваясь, только пьяно улыбался.

Худой бритый уголовник-шестёрка принёс с мангала шипящие жиром, источающие аромат приправ шашлык. Стали есть, выпили по рюмке водки.

Гордей занюхал своей ладонью, крикнул:

– Ух... Ничё полянка, живописная, но барсучьим дерьмом несёт...

– Гордей в дерьме спец, – серьёзно заметил Агей. – Я ему на зоне поражался. Нас начальник зоны вызвал, ссучить чтобы. Заводят в коридор, а Гордей уже издали почуял: «Хомяками воняет!» Захожу в кабинет – точно, у майора в клетке хомяки. Ха-ха! Мы на зоне, а они на своей зоне, на нашей зоне!

– Гордей, откуда так наострился дерьмо различать? – спросил Ондатр.

– По жизни.

– Ха-ха! Плохое что было?

– Не смейся. Трагедия это моя. Я женат был до третьей ходки на зону. Жена была баба дерзкая, целеустремлённая. Зверей изучала. Учёная, зоолог. Мы тогда жили бедно, в однокомнатной квартире. У неё стол письменный стоял рядом с диваном, на котором мы спали. Она этих сраных барсуков изучала: чё жрут, где гадят, как порются. Наблюдала за ними в нашем загородном заказнике, а дома записывала впечатления. И у неё среди бумаг стояли банки с барсучьим дерьмом. Много майонезных банок с дерьмом: свежим, старым – всевозможным. Я к жене не цеплялся, хотя приятного мало, когда квартира походит на лабораторию по приёму анализов. Пишет – хрен с ней. Что я бандюк, её не смущало. Хату возьму – дома денег прорва. На третью ходку ушёл на зону, моя лярва с доцентом-очкариком спуталась, фуфло подставила козлу, чтобы он её работу о барсуках одобрил. Мне с воли братки сообщили. Я задурил, петуха одного запартачил арматуриной, но дело спустили – петух выжил. Вышел я по амнистии, условно-досрочно. Домой прихожу – жена в ноги. Я спокойный. «Ничего, – говорю. – Не бойся». Пошёл за козлом. Тот бледный, трясётся весь, думал, я ему печень вырву! Нет. Я из-за их б... обратно на зону идти не собирался, не погуляв. Привёл его к себе домой, посадил их с женой за стол, поставил перед ними железную чашку – глубокую такую, как тазик, – вывалил из банок туда всё барсучье дерьмо и велел, чтобы они его жрали.

– Ха-ха, калотерапия! – Ондатр проглотил очередной кусок шашлыка, почти не жуя. – Нашёл чем наказать. Они же на барсуках своих помешаны. Им их дерьмо что сахар.

– Не скажи, – не согласился Агей. – Вот если ты на машинах помешан, а к тебе братки нагрянут и заставят гайки глотать – приятного мало...

– Сожрали они всё до последнего катыка, я доценту на его лысину плюнул, собрал в спортивную сумку своё тряпье и ушёл навсегда, – завершил свой рассказ Гордей.

– А с лярвой твоей что стало? – поинтересовался Ондатр.

– Уехала с доцентом куда-то в тайгу, изучать бурундуков.

– Теперь они друг без друга никуда... Вместе миску дерьма съесть – это объединяет, – хмыкнул Агей.

– Ладно, пацаны, хватит о дерьме, а то блевану, – заключил Ондатр. – Мяса поели, теперь можно баб подрать. Поди, соскучились по бабью?

– А то. Постоянно петухов в задницы дрючить приятного мало, – согласился Гордей.

– На зоне Саша Гурилин, культурист бывший, ухоженным петухом был. Всегда подмытый, анус смазан вазелином, – оживился Агей. – Я его сначала к себе шестерить взял, у него мускулы – во! А он баран тупой. Накуролесил в простом деле, на меня понты пацаны гнать начали. Я отмазался, а Гурилина запетушил, чтобы знал, как подсерать. Но в рот он плохо брал.

– В рот Вонючка хапал умело, – сказал Гордей.

– У Вонючки вечно сопли, грязный, рот как ведро помойное, ему вафель ставить запаadlo.

Андрей Андреевич, несмотря на пять выпитых рюмок водки, ошалевал от спокойного говора уголовников и их мерзких жизненных тем.

На поляне, рядом с дымящим углями мангалом, где жарилась новая порция шашлыков, стоял маленький автобус с зашторенными окнами. Из открытой двери на зов шестерившего урки вышли три юные обнаженные шалуньи с тугими острыми грудями и молодая, но бывалая женщина постарше. Девкам едва ли было по восемнадцать лет, уж очень молодо они выглядели, а бабе – лет тридцать пять.

– Поля, Оля, Валя и Светлана Николаевна, – представил их шестёрка. – Эти – студентки колледжа, а она – их училка по английскому. Все подписались на все виды.

– Молодец, Кудым... Такое лакомство нарыл. Гений! Ну, молоденькие, принимайтесь.

После слов Ондатра уркаганы вывалили вялые хозяйства из плавков. Девки кинулись делать оживляющую терапию.

– Николаевна, сооруди минет писателю! – велел Ондатр.

– Нет, нет! Не надо! – испуганно крикнул ошалевавший Андрей Андреевич.

– Ну, тогда пей, старик... Сашка, трахни училку, чтобы не скучала. Мы после молодых ею втроём займёмся.

И началась оргия.

Андрей Андреевич, чтобы выдержать весь ужас созерцания всевозможных отвратительных соитий измождённых болезнями и зоной рецидивистов с цветущими юными девушками, не переставая пил водку рюмку за рюмкой. Одно дело писать об этом, выдумывая, чётко не представляя происходящего, и другое дело – смотреть вживую. Но он терпел. Даже, достаточно опьяневший, теперь был готов (если будет надо!) присоединиться к компании, лишь бы Ондатр и его дружки остались довольны и оплатили издание его книг. Он не допустит, чтобы его девочки, его милые внучки, зарабатывали себе на учёбу и пропитание таким страшным, унижительным способом!

Урки, утомившись сексом с молодыми, втроём, смеясь, навалились на Светлану Николаевну. Девки торопливо жрали шашлыки и пили водку, ожидая приказа опять становиться в позу. Ондатр, тяжело обрабатывая учительницу, заметил, что молодежь отлынивает, рыкнул на девок. Тут же две пары рук стали гладить вконец охмелевшего Андрея Андреевича. Сразу появилась могучая животная сила там, где её очень давно не было! Андрей Андреевич, удивившись, понял, что далее последует главное наслаждение – он разглядел, что над ним встала худенькая девушка, которой он раньше не видел. Он уже не мог терпеть. Он вдруг резко вытянув руки и, сжав её бёдра, потянул её вниз на себя, желая получить давно позабытое наслаждение.

– Нет! Не надо! Прошу вас! Я еще девственница!

Андрей Андреевич ощутил сладость – свершилось!

Что-то щёлкало и сверкало. Всё плыло перед глазами...

Из раскрытой двери балкона в комнату задувал приятный прохладный ветерок. Геннадий вышел на балкон, сладостно потянулся – настроение с утра ещё не омрачилось домашними проблемами, и он взирал вниз, на пространство уютного дворика, с легкой долей умиления.

Из соседнего подъезда вышел бодрый Бонивур с пакетом мусора в руке. Сегодня он совершенно не напоминал вчерашнего алчущего искателя выпивки. Был тщательно умыт и выбрит, одёт в новый спортивный костюм лазоревого цвета с золотым гербом Казахстана на спине. Уместнее всего спортивный облик дополнили бы белые кроссовки, но Полковник был в домашних шлепанцах.

Подойдя к мусорному баку, недавно опорожненному мусоровозом, он с удивлением обнаружил, что вокруг валяется куча мусора, который разлетелся при опрокидывании бака

погрузчиком, а дворник, задумчивый тридцатилетний юноша Степан со взглядом блаженного, пытался выгрести прошлогоднюю жухлую листву из зарослей шиповника на краю двора.

Метнув свой пакет с мусором в бак, Бонивур возмущённо обратился к дворнику:

– Э-э!!!

– Чего? – отвлёкся от увлекательной возни с листвой Степан.

– Не понял я тебя! – заявил Бонивур.

Степан, отрешённо отвернувшись, пошёл с метлой прочь.

– Стой! Ты что слоняешься по двору, как бродяга?! Иди мусор убирай!

– Чего?

– Ничего! Чтобы чисто было! Сейчас из магазина вернусь, проверю. Я о твой хребет метлу сломаю, если не уберёшь здесь! Философ!

Геннадий, видя, какую бурю эмоций вызвали у Полковника россыпи нечистот, чтобы отвлечь его от растерянного дворника, громко поздоровался:

– Приветствую!

Бонивур поднял взгляд.

– А, Генка! Здорово! Проследи за философом, чтобы убрал здесь. Я – в магазин.

– Хорошо.

Проводив взглядом удалившегося Бонивура, Геннадий сладостно зевнул, потянулся, тут же продрогнув от утренней свежести, и вернулся в комнату. Надо было одеваться и двигаться на службу.

– Гена! – позвала жена.

– Что?

– Ты не торопишься?

– А что?

– Будь другом, сходи в гастроном. Я хочу кашу манную девочкам на завтрак приготовить, а сливочное масло кончилось, да и сахара прикупить надо. И хлеба.

– Хорошо.

– Ты сам-то завтракал?

– Нет.

– Почему?

– Сейчас не хочу. На работе чаю попою.

Геннадий оделся, взял пакет и неторопливо отправился в гастроном.

Продуктовый супермаркет они в семье именовали гастрономом по старой привычке. Уже давно в районе не было ни одного гастронома или маленького продмага – всё выкупила одна известная мегакомпания и во всех местах торговала однотипным набором товаров. Если у вас появлялось желание купить что-нибудь эдакое, осуществить его было невозможно – строго ограниченный набор продуктов от компании, и всё. Вот тебе и свободная торговля и предпринимательство!

Когда антимонопольный комитет сделал «внушение» компании, она один магазин передала своей дочерней фирме, переименовала в «Экономный» и продавала в нём всё тот же набор продуктов, но на рубль-два дешевле. Геннадий именовал этот супермаркет магазином для нищих. Вот в этот магазин он и направился, так как тот был ближе к дому.

Несмотря на ранний час, в магазине было много покупателей. Стоявший на одной из полок музыкальный центр был настроен на волну радио «Фасон» и громогласно вешал:

«Любой мужчина способен сохранять свою сексуальность до ста лет! И особенно важна для любого мужчины величина его члена! Это не только радость и удовольствие для его прекрасной половины, но и повод для личной гордости и уверенности в себе. Теперь в этом может помочь знаменитый индонезийский корень тадат. Ещё китайские императоры династии Хань прибегали к помощи корня тадат, а теперь он стал доступен российским мужчинам. Экстракт

корня тадат в средстве «Тадат Лили Плюс Платинум» сможет значительно увеличить объём вашего члена, вернёт молодость и подарит радость многократных сексуальных побед!»

Старушки, деды-пенсионеры, дети, цветущие женщины и задумчивые мужчины, в том числе и Геннадий, с отрешённым видом, словно все разом оглохли, выбирали продукты: макароны, банки консервов, напитки, складывали их в корзинки и занимали очередь у кассы. Менеджеры зала были так же отрешены, как и симпатичные молоденькие кассирши.

«Тадат Лили Плюс Платинум» – и ваш маленький член станет большим! Просто позвоните и получите консультацию специалистов!»

Любой менеджер мог подойти к музыкальному центру и сменить радиоволну, любой покупатель мог сделать замечание, что не дело транслировать такие рекламные передачи в общественных местах, где много детей, да и по отношению ко взрослым мужчинам и женщинам это неуважительно. Мог сделать замечание и Геннадий, но он покорно слушал про волшебный корень, который удлиняет мужские члены, и молчал. Рассчитался за купленные продукты и ушёл из магазина.

Оставив дома покупки, Геннадий пошёл на остановку – в маршрутном такси оставалось ещё одно место, он быстро влез и задвинул за собой входную дверь «газели». Пассажиры передавали деньги за проезд, а из динамиков радиоприёмника на весь салон вещало радио «Фасон»: «Итак, у вас маленький член! Не беда! «Тадат Лили Плюс Платинум»!...»

Андрей Андреевич проснулся поздно. Он лежал на диване в своей квартире. Голова раскалывалась от боли, тело ломило. Член надсадно ныл. Показал он себя! Напился как свинья, да ещё принял участие в оргии. Не подозревал в себе ещё возможность овладевать женщиной. Да-а-а-а...

В мозг стукнуло как гвоздём!

Андрей Андреевич дёрнулся, сжал лоб рукой. Боги, боги! Как больно!

На журнальном столике увидел стакан воды и большую таблетку от похмельного синдрома. Перепил сдуру, теперь организм был насквозь отравлен. А ведь ему предстоит сочинять, и быстро. Чем быстрее он напишет чёртову книгу о светских шлюхах, тем быстрее получит деньги.

Таблетка плюхнулась в воду, закипела пузырями. Андрей Андреевич жадно осушил стакан с питьём и опять бессильно рухнул обратно на диван.

Рядом с пустым стаканом на журнальном столике он разглядел три банкноты, каждая по сто долларов. Триста баксов! Ещё!

Андрей Андреевич мигом протрезвел, сел, взял деньги в руки. Триста зелёных. Выходит, скотство на пикнике ему зачли! Да. А эти листы, отпечатанные на компьютере и скреплённые степлером? Он быстро пробежал их взглядом. Договор! Договор на издание книги – да не одной, а сразу двух. И сумма! Андрей Андреевич сначала не поверил, думал, опечатка, но слова в скобочках точно обозначили сумму гонорара. Немыслимо! Столько за две книги не могут заплатить.

«Выходит, могут», – подумал он и опустил голову на подушку. Он оплатит свадьбу Машки, и ещё останется...

Он совсем не помнил, чем закончился разгул в лесу. До того, как на него взобралась худенькая девчонка, помнил, а дальше всё отрезало. Она что-то кричала... Мысли поплыли и снова обрели ясность. Андрей Андреевич тряхнул головой – что водка делает!

Видимо, Сашка привёз его домой и уложил на диван, он же приготовил таблетку от перепоя. Как неудобно перед ним. Да, Семёнов тоже участвовал в оргии с этими бедными студентками колледжа и их учительницей...

Потирая лоб, Андрей Андреевич, через силу приподнявшись, дотянулся до телефона – надо позвонить Геннадии, поделиться радостью. Когда он узнает сумму гонорара, вздох-

нёт с облегчением – половина проблем, связанных с деньгами, отпадёт сразу. Набирая номер, Андрей Андреевич заметил, что договор Семёнов не подписал – видимо, оставил для ознакомления... Но дело на мази. А эти триста баксов – плата за скотство: он принят в стаю! Фу, мерзость! Тоже стал бандитской шестёркой! Делает, что велят. Холуй! Старый продажный холуй! Писател... Без мягкого знака... Так говорил Солженицын, после долгого писания под диктовку ЦРУ опусов о плохой России: «Я великий русский писател». Вот и он теперь писател, русский, только не великий...

В трубке протяжно и как-то зловеще тянулись длинные гудки. Сына в его кабинете не было. Какой у него номер сотового? Он так часто менял эти сотовые номера, что Андрей Андреевич не успевал их запоминать.

Андрей Андреевич связался с дежурным.

– Андрей Андреевич, Геннадия нет, – сообщил Антонов, друг Гены.

– Серёжа, как он появится, передай, чтобы сегодня заехал ко мне или позвонил. А я посплю, мне что-то неможется.

Опустив трубку, Андрей Андреевич секунду размышлял, позвонить невестке или нет, узнать сотовый номер Геннадия, а заодно спросить, как у Машки дела, но передумал – усталость, опустошение и боль вернули его в горизонтальное положение. Он уткнулся лицом в подушку и уснул.

\* \* \*

Полковник Ассаров стоял, засунув руки в карманы брюк. Геннадий со своей кожаной папкой под мышкой был рядом. Оперативники уже закончили откапывать завёрнутый в целлофан труп молодой девушки, потом выволокли его, освободили от целлофана. Обнажённая девушка явно была не русской – смуглокожей, похожей на узбечку. В области печени зияли две раны – били ножом.

Медэксперт в резиновых перчатках, осмотрев труп, вздохнув, обратился к полковнику: – Да, товарищ полковник, был половой акт, на стенках влагалища есть кровь. Сделаем экспертизу, узнаем, отчего кровь – месячные или дефлорация. Сделаем анализ спермы, если обнаружим.

Полковник посмотрел на Егорова:

– Она?

– Она, товарищ полковник.

Геннадий расстегнул папку, вытащил фотографии девушки:

– Зия Нуретова, семнадцать лет.

Вчера родители заявили в полицию о пропаже девушки. Сказали, нет уже трое суток. Сегодня утром звонок дежурному дал наводку – в лесополосе за городом видели пожилого мужчину и упиравшуюся, зовущую на помощь девушку-узбечку. Описали местность. Геннадий был дежурным следователем – дал задание дежурной группе с собакой проверить наводку. Опера сообщили – есть труп. Злой Ассаров, потрясая кулаками – маньяка только городу не хватало! – сам выехал на место вместе с Геннадием.

– Ничего похожего у нас не случилось, как я знаю, – сказал Ассаров. – Но ты, Егоров, подключи архивников, может, что выплывет. Предварительные результаты экспертизы получишь в три часа. Переговори с родителями по месту проживания погибшей... Если что, готовься, дело тебе поручу.

Геннадий вздохнул, бросил взгляд на убитую. Совсем юная. Убил старик. Теперь ищи старого выродка... Как найдёшь, если он прежде не наследил и впредь поостережётся...

В паршивом настроении Геннадий и два оперативника поехали на дом к погибшей. Оперов отправил вперед – пусть объяснят родителям, что к чему.

Рядом с подъездом крутился подозрительный субъект – взъерошенный, небритый малый лет тридцати, но одетый с иголочки. Он криво ухмыльнулся Геннадию, спросил:

– К Нуретовым?

– К ним. А что? – насторожился Егоров.

– Нет их девки. Сбегла. Я её держал. Если девочка нужна, меня спрости.

У Геннадия мелькнула мысль, что погибшая подрабатывала проституцией, а это – её сутенёр.

– Тебя как звать?

– Костик.

– Куда пропала Зия?

– Ха! Я почём знаю? Когда бабки нужны были, приходила на угол, я вёл её к таксистам на пятак... Ну чё, сколько девок возьмёшь? Я смотрю, вас трое корешей. Дают почти даром. У меня, знаешь, есть рекламный слоган: «Е-ля даром! Почти...»

– Я – мент, следователь Егоров.

Геннадий по привычке полез в карман за удостоверением, но вспомнил, что забыл его дома, про себя чертыхнулся. Но сутенёру хватило одного его движения. Он побледнел, попятился.

– Прости, брат. Ошибся. Так, наболтал глупостей...

– Подожди, кое-что спросить хочу.

– Что знал, сказал. Извини, дела. Потом поговорим. – Мужичок приложил руку к груди, испуганно кивнул и быстро-быстро пошёл прочь.

Геннадий хищно посмотрел ему вслед, закурил сигарету. Ладно, Костика этого он при желании всегда выпепит. Значит, Зия была шлюхой. Понятно, почему она отправилась со стариком в лесопосадки. Он купил её и повёл трахаться на природе. Потом Зия что-то почувствовала и стала орать, её услышали, заступиться побоялись, но в милицию сообщили... Всё логично, всё сходится.

Докурив, Геннадий пошёл в подъезд – теперь он расспросит родителей.

Квартира была грязная и вонючая. Родители – законченные пропойцы: оплывшие лица, отвислые обветренные губы. В одной из комнат валялись полиэтиленовые мешки, набитые бутылками и пустыми банками, видимо, живут сбором стеклотары, а дочь помогала родителям, промышляя проституцией. Вот такая семейка. Удивительно, что они заявили о её пропаже. Хотя как же – исчез источник дохода...

Ничего стоящего не узнав, с места обитания семьи Нуретовых Геннадий отправился прямо к отцу – из управления на рацию в узик оперативников дежурный передал о звонке отца. Геннадия встревожило, что отец упомянул о недомогании.

Когда он открыл дверь своим ключом и вошёл, отец сидел за столом перед компьютером и работал. Обернувшись на звук шагов, Андрей Андреевич улыбнулся:

– Хорошо, что приехал. Договор почти у меня в кармане. Перекусишь?

– Спасибо, отец. – Геннадий устало плюхнулся в кресло, вытянул ноги. Старик просто хотел его видеть, потому и упомянул о недомогании.

Геннадий заметил на журнальном столике пустой стакан и разорванную упаковку противопохмельной таблетки. Отец пил? Нервничал из-за книги и отрешился с помощью алкоголя? Зря, конечно, в его возрасте пьянка противопоказана. Но Геннадий решил не высказывать вслух свои нравоучительные мысли: отец – мужчина и имеет право поступать, как считает нужным!

– Торопись? – спросил отец, опять обернувшись.

– Работа.

– Я так понял, что мне предлагают за две книги порядочные деньги. Пока не буду говорить, чтобы не возбудить в тебе преждевременных надежд. Подождём, когда всё будет подпи-

сано и перечислено на счёт. Вот, возьми ещё аванс – разжился. – Андрей Андреевич вытащил из нагрудного кармана рубашки триста долларов, протянул Геннадию.

Егоров взял деньги.

Что-то провалилось в грудной клетке, и стало легко – три сотни зелёных! Отец таки ухватил фортуны за пушистые яйца – баксы буквально сыплются на старика. Он хотел обрадоваться трём сотням – отдаст жене, чтобы докинула их в бездонную пасть банка-кредитора, хоть сегодня не будет его нудно пилить (день без истерик!), но не смог. Убитая девушка в лесу, лица её родителей-пьяниц, грязь в квартире, пустые бутылки – всё это заполняло его мозг до отказа, не оставляя места другим эмоциям. Он машинально положил деньги в карман.

– Папа, я сейчас должен идти. Я тебе позвоню вечером.

– Хорошо, Гена. Иди, я всё равно работаю.

– Ты в порядке?

– А? Да, в полном.

Егоров вышел из дома, поёжился – ветер показался неприятным, пахнущим канализацией. До автобусной остановки было идти минут десять – через парк с аккуратными подрезанными кустами, образующими приятную аллею.

Он пошёл, глядя себе под ноги и не думая ни о чём – ни о деньгах, лежащих в кармане, ни о новом деле с погибшей девушкой-проституткой. Пустота в голове. Он не обратил внимания, что шел по длинной аллее совершенно один.

Удар обрушился сзади. Геннадий сжался, ослепнув от боли, и рухнул. Его били ногами в голову, тело. Он закрывал живот – кости проломить тяжеловато, а вот отбить требуху легче лёгкого, будешь потом инвалидом остаток жизни.

– Получай, мент! Получай!

Его ухватили за шиворот пиджака и поволокли через кусты, цепляя за острые сучья. Егоров не соображал, что происходит, пребывая в жгущей пелене боли. Его бросили. Он ощутил запах гнилой земли и прелых корней.

Голоса над ним звучали глухо:

– Где там моя банка? Босс не терпит, чтобы его приказы выполнялись наполовину.

– Плесни на морду – он весь в крови.

Щелкнула полиэтиленовая крышка, и его окатило мочой. Сознание прояснилось.

Два высоких амбала стояли над ним с литровой банкой в руках. В банке ещё оставалась моча, и её выплеснули до конца.

– А где бы мы столько мочи набрали? Все парни постарались.

Геннадий фыркнул – брызги фонтаном полетели с его губ. Он обрёл зрение – один из ублюдков мял в руках деньги, которые десять минут назад вручил ему отец.

– Далларры!!! Богатый какой! – неодобрительно отозвался амбал.

– Оборотень... Коррупционер... Больше ничего в кармане не было? – спросил второй.

– Нет.

Геннадий поблагодарил Бога, что сегодня умудрился оставить дома своё удостоверение. Это хорошо. И оружия при нём нет. А вот деньги...

Но сил подняться, чтобы попытаться вырвать свои доллары, не было.

Всё-таки исхитрившись, Геннадий с силой выкинул вперёд сжатый кулак. Он вlepил прямо в естество амбала, и тот, вмиг задохнувшись от боли, рухнул, пуча глаза, хватая ртом воздух.

– Убью, уроды! – прохрипел Егоров, приподнимаясь.

– Тетеря, бежим! – крикнул амбал, державший пустую банку. Он бросил банку в спортивную сумку, закинул её на плечо, прихватил подельника под мышки и поволок прочь, торопясь.

– Твари!!! – заорал им вслед Геннадий, опираясь на кулаки.

Тело и лицо гудели болью. Сейчас он осознал окончательно, что только что лишился трех сотен долларов, которые ему дал отец... У него даже не его деньги отняли, отцовские! Отцовские! Старик их заработал, а их вот так, походя, забрали! Суки! Твари! Воры! Его специально ждали, нападение было спланированным. Но не ради ограбления! Это он осознал сразу. Его собирались сломить этим нападением, этими действиями! Ну нет! Такого он никому не простит, не спустит на тормозах... Кто бы то ни были, они ответят по полной за выходку!

– Твари!!! – снова заорал он визгливо, мотая головой. – Достану! Всех достану! Уроды-ы-ы...

– О боже, тебя избили! – всполошилась жена.

– Ерунда.

Геннадий умылся и рухнул на диван – завтра выходной, и он отлежится, выйдет на работу в полном порядке. Кто же это налетел на него среди бела дня? Странно. Особенно странно то, что один из ублюдков назвал его ментом, хотя ничто не указывало на его принадлежность к полиции. Напали по наводке – яснее ясного. А вид денег их удивил. Они не знали, что у него будут доллары. Это не ограбление. То есть его ограбили, но с самого начала собирались лишь избить и унижить, облив мочой – полную банку приготовили. Это могли быть приятели его подследственных. Сколько у него дел ведётся? Восемь на данном этапе. Слишком много, чтобы вычислить, чьи братки устроили наезд.

Тут в мозгу высветилась кличка одного из ублюдков: Тетеря. Уже легче: по кличке можно попробовать отыскать, в чьей банде есть браток с таким прозвищем.

Зазвонил домашний телефон. Трубку взяла жена.

– Геннадия Андреевича? Кто его спрашивает? По работе? – Она зажала трубку ладонью, посмотрела на Геннадия: – Возьмёшь?

– Да. – Он через силу встал, взял трубку. – Слушаю.

– Начальник, поговорить надо. Дело не терпит... – отозвался незнакомый мужской баритон, неприятный, с шепелявинкой.

– Кто вы?

– Кто надо. Не задавай вопросов. Скажу одно – дело касается твоего отца.

– Что?! Что с ним?

– С ним? Хе-хе. Да дома он. Пока дома. А может оказаться в тюрьме... Ту девчонку помнишь, какую выкопали сегодня в лесу?

– Что вам надо? При чем здесь мой отец?

– Узнаешь. Выходи на улицу. – В трубке раздались короткие гудки.

Защемило сердце. Звонил какой-то варнак. Возможно, это связано с его избением в парке. Но отец и та девка... Какая-то лабуда. Надо выйти и сказать козлам пару ласковых...

С улицы нетерпеливо запиликал автомобильный сигнал.

Придётся идти.

Кряхтя от боли, Геннадий спрятал в боковой карман пиджака пистолет. Хотел надеть туфли, но передумал, остался в домашних тапках – будет говорить с шелупонью перед подъездом.

– Гена, ты куда? – испугалась жена.

– Подвезли бумаги, заберу. Надо посмотреть за выходной.

– Какие бумаги?! Ты взгляни на себя – синяками и ссадинами весь оплыл!

– Ира, это моя работа.

– Господи! Ладно, лежи, я сама сбегаю.

– Нет. Я вернусь через десять минут.

Геннадий вышел из квартиры, за спиной щелкнул английский замок. Уже смеркалось, в подъезде было темно. Терзаемый тревогой, он поспешил на улицу.

Прямо перед подъездом стоял черный «мерседес». Задняя дверь была распахнута, её придерживал худой, коротко стриженный мужик, одетый в легкий тренировочный костюм.

– Садись, следак. Поедем на стрелку.

– Никуда я не поеду. – Геннадий встал на пороге подъезда, сжимая в кармане пистолет. Если шестёрка рыпнется, он выстрелит не раздумывая.

– Твой папашка подставился, понял? Трахнул ту бабу – Зию. Её ведь убили. А? – Шестёрка ощерился в улыбке.

Вихрь мыслей пронёсся в мозгу Егорова. Отца втянули в грязное дело, тут сомнений быть не могло – отсюда и доллары. Гады!

Вздыхнув, он решительно шагнул к открытой двери «мерседеса» и сел на мягкое сиденье. Шестёрка нырнул следом, подтолкнул его, подвигая. Дверца закрылась. «Мерседес» выехал из двора и полетел по тёмным улицам города.

В голове Геннадия творился сумбур. Отец и Зия – что-то невысказанное! Трахнул... Да он уже не в состоянии вступить в половую связь. Ах, уроды, они просто заманили Геннадия в ловушку... Вывезут за город и грохнут. И жене ничего не сказал. Тупица, осел! Потным от страха пальцем он отщелкнул в кармане предохранитель пистолета.

Шестёрка, щерясь нечистой улыбкой, тыкнул:

– Смотри-ка.

Он всунул Геннадию под нос фотографию.

В полутемном салоне Егоров не сразу разглядел, что там, а поняв, онемел, забыв и про похищение, и про свой пистолет. Он забрал фотографию, всмотрелся. Невысказанное! Это явный компьютерный монтаж. Отец, в рубашке, но без штанов, радостно разевая рот в улыбке, сжимал талию кричащей Зин, которая сидела к нему спиной на его толстом члене. Голова отца выглядывала из-под локтя девки.

Геннадий взглянул на шестёрку. Тот довольно кивнул, выпячивая нижнюю губу:

– Так-то, мент, влип твой папик.

– Разберёмся, – прохрипел Егоров.

– Это цветочки. На месте тебе ягодки будут, а может, и грибы.

«Мерседес» вихрем слетел с трассы на асфальтированное шоссе, петляющее в березняке, потом вылетел на поляну и притормозил перед опущенным шлагбаумом охраны элитного посёлка. Шлагбаум поднялся. Они медленно поехали по ярко освещённой улице, с обеих сторон которой из-за заборов высились вычурные особняки из красного кирпича. «Мерседес» завернул к одному из особняков, миновал открывшиеся автоматически ажурные ворота и через берёзовую рощу покотился к трехэтажному дому, обшитому деревом. У главного входа стояли два джипа и еще один «мерседес».

– Приехали. Выходим, – засопел шестёрка и открыл дверцу.

Геннадий вышел вслед за шестёркой. У дверей дома курили два таких же худых мутных типа.

– Входите. Он ждёт, – сказали они, открывая входную дверь.

Геннадий вслед за шестёркой прошел в богато обставленный холл. В кресле у зажжённого камина сидел такой же худой, но явно главный здесь мужик. Он поворошил кочергой полешки, взглянул на Геннадия (шестёрка неслышно ушёл), кивнул на пустое кресло рядом:

– Садись. Говорить будем.

Геннадий послушно сел.

– Руку-то из кармана вытащи. Пистолетик сжимаешь? Боишься? А ты не бойся. Я человек мирный, позвал тебя в гости – просто пообщаться.

Геннадий вдруг сразу расслабился, скрестил руки перед собой – на входе его не обыскивали, сидящий рядом авторитет в курсе, что у него в кармане пистолет, и не боится, значит, разговор будет на равных, без угроз и нажимов.

– Юра, – ощерился в улыбке авторитет и протянул руку для пожатия.

Геннадий посмотрел на руку, но никак не отреагировал.

– Ха, брезгуешь, мент, – незлобиво отозвался Ондатр. – А твой папик не брезговал, дружбу мне предложил. Я её принял. Как быть? Ты – мент, твой папик – мой друг... А?

– Мне показывали фотографию...

– Не торопись.

– У меня дела.

– Хорошо. Хе-хе... Кто это тебя? Весь сине-зелёный, фиолетовый.

– Вы должны знать. Сначала дали деньги, потом их забрали.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.